

Шмелев И. В.

История села Мотовилово

Тетрадь 4

16+

**Иван Васильевич Шмелев
Александр Юрьевич Шмелев
История села
Мотовилово Тетрадь 4**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39417856
SelfPub; 2018*

Аннотация

Дневник русского крестьянина Шмелева Ивана Васильевича, в котором он описал историю родного села Мотовилово Арзамасского района Нижегородской области. В четвертой тетради автор делится детскими воспоминаниями о жизни в русском селе в 20-е годы.

Содержание

Ликбез. Смерть Ленина (1924 г.)	5
Торговля. Метрическая система	14
Токари. Производство каталок.	24
Религия. Ступени жизни.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ликбез. Смерть Ленина (1924 г.)

Неиссякаемо весёлыми забавами, играми и разными приключениями детство сельских ребятишек. То они целыми днями пропадают на речке Серёже: раздевшись догола, сломя голову бегают по песчаным отмелям, разнося брызги во все стороны, купаются. То руками ловят ленивых налимов, шаря руками под крутизной берегов. То войдя в лес, залезают на гибкие берёзки, подгибают вершинки их до земли и, опустив, с восторгом наблюдают, как вершинка берёзки упруго выпрямляется. То какой-нибудь парень с озорством залезет на молоденькую сосенку, начинает ее раскачивать до тех пор, как она, не выдержав, с треском ломается, а озорник с грохотом падает на землю. Он смеется от удовольствия, а товарищи весело хохочут над ним.

То под водительством знатока лесного грибного царства Саньки Савельева соберется ватага ребятишек и с корзинками побежит в лес по грибы. А не дойдя до леса «Лашкины грядки», по команде того же Саньки отдать долг лешему (чтобы удачным было похождение и набрать полные кузова), вся команда дружно снимает штаны и уставив голые зады к лесу, начинает тужиться, чтобы, жились, выдавить из себя этот «должок».

А при вбеге в лес, лес оглашается весёлым криком и гамом, что не поймешь, кто чего кричит. Эхо утраивает сплош-

ной гвалт. Здесь природная стихия для излияния радостных всплесков детворы, здесь грибное царство, здесь таинственный шум хвои в вершинах сосен.

Санька Савельев и Санька Федотов спешат к заветному сухому ключику, который находится по левую сторону Воробейки: там уйма маслят и рыжиков. А Панька Крестьянинов с Ванькой Савельевым, попутно напав на россыпь пуль под крутым берегом Воробейки, с азартом набирают по полкармана пуль (они здесь остались от учебных стрельб во время гражданской войны).

Набрав по целым кузовам грибов и наигравшись вдоволь, с большим аппетитом ребята возвратились в село. Пообедав на скорую руку, ребяташки спешат на улицу, а там уж в полном азарте игра, кто во что горазд. Целая ватага играет в забавную игру «в лапти», некоторые бесшабашно и дурашливо толкаются, от удовольствия скалят зубы. Кто, зажав малышу ладонями уши, приподнимая его, показывает Москву. А Ванька Савельев с Санькой Федотовым разыгрались «в машину». Ванька, поймав целую горсть мух, говорит Саньке: «Машина едет. – Я по ней, – включившись в игру, отвечает Санька. – Сколько в ней? – вопрошает Ванька, – Восемь!» Ванька выпускает мух по одной, считая. В счете оба сбились, заспорили, а потом раздрались, начали кидаться грязью, а потом до камней дело дошло. Каждая игра почти всегда за-

канчивалась дракой и ревом, а больше всего в таких случаях доставалось Ваське Демьянову.

Михаил Федотов и Алеша Крестьянинов в играх и этой кутерьме участия уже не принимали, поженившись, они со своими молодыми играли в ненаглядушки. У них были уже другие забавы.

Изошрённым выдумкам в забавах детворы нет предела и конца. Под глубокую осень, вволю накатавшись на льду и назябшись на улице, целая орава парней в сумерки с озорством вваливается к кому-нибудь в избу и начинают петь: «Не унывай!» Старики в таких случаях берут из чулана ухват и вытаскивают им из избы шумливую ватагу на улицу.

Ближе к зиме, когда все полевые крестьянские дела сделаны, детворе пора и в школу. В школе во время перемен шумливая орда учеников высыпает на улицу. Кто бежит сломя голову, догоняя друг друга, а большинство ребят и девочек, уцепившись за руки, под руководством учительницы Надежды Васильевны Беляевой играют в «Каравай». Озорники своими действиями стараются помешать игре, «смять каравай!».

Раньше парни в школу обычно ходили по две зимы, кое-как осиливали грамоту за два класса, а девки и того меньше. Им позволялось посещать школу всего только ползимы.

Обычно старшие в доме давали им такие поучительные наставления: «Надо прясть, а не шлѐндать по школам, пона-прасну лапти драть, а замуж и неграмотную возьмут! Детей рожать и хозяйством править – грамота не нужна!».

Но в период НЭПа Советская власть решила ликвидировать безграмотность среди сельского молодого населения. Для этой цели при школе организовали «Ликбез». До вечера в школе учатся ребяташки, а по вечерам парни и девки, которые в свое время не учились.

В этот вечер три девки из одной артели Машка, Пашка и Ташка, как обычно, ушли на Ликбез. Мишка Крестьянинов, зная, что они вот-вот должны пройти из школы по задам вдоль берега озера, имея злонамеренное побуждение озорства, решил девок проэкзаменовать, проверить, как они овладевают грамотой. Он на заборе мелом вывел из трех букв похабное слово, а сам спрятался в засаде. Вскоре появились и девки. Увидя написанное на заборе, они остановились, взаимно уцепившись руками между собой. Они решили проверить свои познания в чтении, старательно и дружно читать вслух. Когда же поняли, что это слово непристойное, весело захихикали и, от удовольствия рассмеявшись, побежали от забора прочь.

Мишка, выскочив из засады, с разбегу повалил всех трех девок в снег. В виде отметки за успех в чтении, всех истискал и извалял в снегу, а в довершение к этому он с наслаждением

набил им под подошвы снегу.

Панька, Ванька и Санька – шабры, постоянные товарищи, придя из школы, пообедав на скорую руку, выбежали на улицу играть. Первым делом они решили покататься с крыши высоченного Савельева двора. Забравшись на самый конёк, для благополучия перекрестившись, подобрав полущубок под зад, они лихо стремглав с замиранием сердца съезжают по тесовой крыше, с размаху зарываясь в сугроб. И весело, и задорно, и забавно. Снова спешат, залезают по плоской крыше отлива опять на самую высоту. Отвлечённый азартом и задором Панька только что приготовился к очередному полёту, как в это время на крыльцо дома вышел его отец. Увидя Паньку, он обрушился на него с руганью:

– Ах ты, вражья сила, эт куда тебя лукавый-то занёс, еле видно! Слезай сейчас же, а то возьму в руки сковородник и весь об тебя обломаю!

Ребятам пришлось катание прекратить. Отец ушел, а друзья, катая снежные шары, решили из них соорудить самодельную горку. К вечеру ударил мороз, горку полили – можно попробовать, скользкая ли. С весёлым азартом они с большим наслаждением начали кататься на ней, съезжая то на ногах, то на заднице, то прямо на брюхе. Неугомонный, скуповатый Панькин отец тут как тут. Он не спеша подошёл к горке, руки его спрятаны за спиной, спросил:

– Ну как гора-то, склизкая, аль нет?

— Эх, и скользка! — наивно, по-детски похвалился Панька, съезжая с горки, стоя на ногах.

— А от так-то она еще скользче будет! — отец с ехидной улыбкой выхватил из-за спины топор и безжалостно истязал всю скользкую поверхность горы.

— А то больно вы много лаптей на ней износите! — с укоризною добавил он, и с успокоительным довольством скрылся в открытые ворота своего двора. Ребята со слезами на глазах смотрели на злоумышленную и разрушительную работу Панькиного отца.

Проверив в огородах клетки для поимки синичек, ребята, раскрасневшиеся от зимней стужи, расходились по домам. Санька, Ванька с сестрёнкой иногда приглашались престарелой учительницей к ней на квартиру для просмотра увеличенных картинок, которые она им показывала с большим удовольствием с целью расширения кругозора деревенской детворы. В крышке специально сделанного деревянного ящичка вделано увеличительное стекло, через которое с большим восторгом и восхищением смотрели ребяташки на вставленную в рамку красочную карточку. Карточки менялись, менялись возгласы удивления и у ребят. Тут были показаны отдельные виды города Москвы, тут и величественный Кремль с золотистыми главами колокольни Ивана Великого, тут и «царь-колокол», тут и «царь-пушка». Ребята от восхищения прилипали носами к самому стеклу. Довольная

Прасковья Егорьевна добродушно улыбалась и просила ребят, чтоб они так близко не подъеферивались к стеклу, не затуманивали его своим взволнованным дыханием.

В Рождество Ванька с сестрёнкой были приглашены к школьному товарищу Анатолию Вознесенскому. У Анатолия была сестра Любаша, подружка сестрёнки Маши.

Дети Савельевых: Ванька с Манькой очень обрадовались приглашению, они никогда не бывали на ёлке, поэтому с нетерпением ждали рождественского вечера. Наконец праздник Рождества наступил. Детвора вечером направилась в дом Вознесенских. В горнице стояла разукрашенная ёлка, на ней висели всевозможные игрушки и прикреплённые восковые свечи. Иван Павлович (отставной дьячок) отец Анатолия, зажёл свечи. Ёлка заблестала огнями и игрушками. Приглашённых детей на елку было около десяти человек, все школьного возраста.

Взявшись за руки, ребята ходили вокруг ёлки, пели песни, рассказывали стишки, играли в разные игры. Досыта наигравшись около блестящей от свечей и игрушек ёлки, ребята были одарены подарками: конфетами, пряниками, орехами. Часов в двенадцать ночи, весёлые и довольные впечатлениями, ребята разошлись по домам.

Двадцать второго января этого 1924 года в школе занятий не было, а было собрание учеников по случаю годовщины 9-

го января 1905 года. Заведующий школой Евгений Семенович Лопырин перед школьниками выступил с речью, в которой он говорил о значении события и о вожде народа Ленине.

После собрания учителя каждого класса (их было четыре) каждому ученику раздали по листу бумаги. Этому подарку был рад каждый ученик, так как бумаги не хватало, и ученикам приходилось писать или грифелем на грифельной доске, или на газетах обломками карандашей. На другой день, двадцать третьего января, ученик четвертого класса Васюкин Колька, живший на станции Серёжа, известил Евгению Семеновичу и всем ученикам, что 21-го умер Ленин. Эта весть тяжело отразилась на учителях и на школьниках.

Похороны Ленина в Москве были назначены на воскресенье, 27-е января. Гроб с телом Ленина в Колонном зале Дома Союзов был установлен на шесть ночей и дней.

В воскресенье, 27-го января, у Ваньки Савельева отмечался День рождения. В этот день ему исполнилось восемь лет. По этому случаю в верхней избе было устроено общесемейное чаепитие. Завидев в окно проходившую по улице траурную демонстрацию с черными флагами, Ванька не долго думая, выбежал на улицу, наспех накинув на потные плечи пиджак. Он присоединился к демонстрации. Сильный мороз пощипывал уши, забирался под одежду, но отставать от толпы Ванька даже и не помышлял. Обойдя вокруг се-

ла, шествие остановилось около сельского совета, у деревянного здания около каменной лавки Лаптевых. Народу здесь собралось много, откуда-то пришли солдаты с винтовками. Начался траурный митинг, который открыл Евгений Семенович, за ним выступил председатель сельсовета Трошин, за ним управляющий вторусским кредитным товариществом Кудосников и другие ораторы.

После винтовочного салюта и команды «Шапки долой!» последовало пятиминутное молчание, а под конец митинга всеми присутствующими была спета «Вечная память». Махая шапкой, с трибуны регентствовал Евгений Семенович.

Торговля. Метрическая система

В Мотовилове в это время было три бакалейных лавки: Васюнина в Шегалеве, Лаптева, универсальная, у церкви и вновь открытая трестом лавка на перекрёстке улиц Мочалихи и Слободы. В Лаптевой торговала хозяйка Екатерина Ивановна, в Васюниной сам хозяин – старик Василий, а в трестовской – Васька Панюнин и Дунаев.

В лавках съестного товару было изобилие, так что от сочетания запахов колбасы, кренделей, калачей и селёдки в лавке создавался такой букет наиприятнейшего запаха, что из лавки так бы и не выходил.

– Бог за товаром! С прибылью торговать! – поприветствовал Василий Ефимович хозяина лавки.

– Спасибо! – ответил тот.

– У тебя, видно, Василий Михайлович, в лавке-то и мышей нет? – обратился к хозяину Василий Ефимович, пришедши купить к празднику рыбы – сазана.

– А что? – осведомился хозяин лавки.

– Уж больно гоже пахнет, дух в лавке приятный! – втягивая в себя воздух, улыбался Савельев.

– А вот он, ночной хозяин, мышам спуску не дает, он с ними быстро расправится, – указывая на дремлющего кота, отозвался хозяин лавки, кладя на чашку весов добротного

сазана. – Три кило с лишним, – назвал вес рыбины лавочник.

– Эт сколько же в фунтах-то? – осведомился Савельев.

– Восемь фунтов, – пояснил Васюнин. – Нам, торговцам, от властей велено на килограммы переходить. Фунтами торговать запрещено. Да и гири у нас изъяли. Всем велят на метрическую систему переходить, – растолковывая, добавил он.

– Уж больно без привычки-то благо, – заметил Савельев.

– Ничего, народ и мы привыкнем, легче станет. Она, эта система-то, сама по себе проще старой-то, – заключил разговор о нововведении Васюнин.

– И на сколько он вытянул? – спросил Савельев.

– На шестьдесят четыре копейки.

– Это значит, полтинник с небольшим?

– Выходит так!

Расплатившись за рыбу, Савельев еще взял кило сладких кренделей к чаю, уплатив за них еще двенадцать копеек. Попрощавшись с Васюниным, Савельев вышел из лавки.

Проходя мимо лавки Лаптевых, Савельев зашёл и в неё. Сюда из Арзамаса только что привезли свежей колбасы. По всей лавке разнёсся разжигающий аппетит приятный колбасный запах.

Василий Ефимович осведомился у Екатерины Ивановны о цене.

– Пятьдесят пять копеек за кило, – весело ответила продавщица.

– А дешевле как? – по старой привычке в шутку переспро-

сил Василий. Хозяйка молча показала на вывеску, висевшую на стене лавки. «Цены без запроса», – с расстановкой по словам прочитал он. – Тогда взвесь мне полкило, для пробы, – попросил Савельев.

Екатерина Ивановна отвесила полкилограмма:

– Двадцать семь с половиной копеек! – объявила сумму хозяйка.

– А где я возьму полкопейки-то, – обеспокоенно сказал Савельев.

– А я сдам, у меня всякая мелочь имеется, – успокоительно отозвалась продавщица, – вот, посмотри, государство и полкопеечные монеты в обращение выпустило.

Находящиеся в лавке мужики с интересом кинулись рассматривать блестящую маленькую медную монетку достоинством в полкопейки.

Василий Савельев явился домой с охапкой покупок, а на другой день в праздник Крещение за обедом, наряду с жирными щами из свинины ели вареного сазана и колбасу, а после пили чай с кренделями. Только с самоваром на этот раз у них произошла по недосмотру авария. Саньке было поручено поставить самовар. Не посмотрев, есть ли в нем вода, Санька, наложив углей, разжёл его. Угли в скорости буйно разгорелись, самовар не закипел, а как-то странно зазвенел. Услышав ненормальный звук, бабушка тороплива закричала:

– Скорей сымай трубу, а то самовар убежит!

Санька торопко снял трубу и в испуге убедился, что воды в нем нет. Угли он залил водой, а из перевернутого самовара на пол выпал слиток расплавленного олова. Санька, чтоб не попало за оплошность, поспешно принёс ведро воды, залил ее в самовар. Дело обошлось без особых утрат. Самовар расплавился частично, и вскоре он поспел, был готов к общему чаепитию. Семья уселась, как обычно, в верхней комнате, и принялись за распитие беленого топленым молоком чая, блаженно прикусывая душистые крендели.

– Чай да сахар! – поприветствовала сидящих за столом пришедшая к Савельевым соседка Анна Крестьянинова.

– Просим милости с нами чаевничать, – ответил ей Василий Ефимович.

– Спасибо, разве только чашечку, – задорясь на крендели, соблазнилась Анна.

Ей налили стакан чаю, забелили топленым молоком, подали крендель.

– Где это ты, Василий, кренделей-то купил? – спросила Анна.

– У Васюнина, – ответил Василий. – В лавке у них всего вдоволь. Я было уходить, а он вдобавок конфетку с мохром мне дал. Вон Володька ей забавляется.

– Да, красные купцы умеют торговать, – с похвалой о Васюнине отозвался Василий.

– А я вчера в лавку к Лаптевым ходила, купила мужику

на штаны две литры черного молестину да метру красину. Уж больно молестин-то черен, как у ворона крыло. Хотела еще миткалю купить, поглядела, а он больно уж редок, – доложила Анна о вчерашних покупках.

– Бают, в городе всего много, разного товару появилось и все больно дешёво, так что ни дар, ни купль. Мы с Федором собираемся, как-нибудь поедем. Да, бишь, я чего наслышалась: в какой-то Японии больно сильное землетрясение было, и много народу там погибло, – болезненно вздыхая, оповестила Савельевых любительница до разных новостей Анна.

– А в сибирской тайге, я читал, в 1908 году с неба упал какой-то большой тунгузский камень, много лесу повалило, – известил старших Санька.

– Да, какое-нибудь послание, а господь посылает на нас грешных, – высказала свое суждение о происшествиях бабушка Евлинья.

– А правда, еще болтают, как будто комета какая-то на небе появилась. Это быть опять к войне, – вспомнила от кого-то услышанное Анна.

– Дива нет! И войне не долго вспыхнуть, – высказал свое мнение Василий. – Только было утихомирилась матушка Россия, налаживать все стали, а вот на тебе, опять о войне слухи, – сокрушался он.

– А как в прошлую-то осень затмение-то луны было, помните? Месяц-то у всех на глазах так было и исчез весь,

как бы тогда мы без месяца-то, а? – вступила в разговор Любовь Михайловна.

– Пропали бы все, да и только, – рассудила бабушка Евлинья, прихлёбывая чай из большого блюда.

В торговле у Лаптевых получился какой-то застой. Дела стали что-то не очень-то клеиться. Люди, покупатели, старались ходить в лавку к Васюнину, покупали товары большинство у него, считая Васюниных самыми большими богачами. Дедушка Васюнин сам торговал за прилавком: вежливо и услужливо обходился с покупателями. Сын его Иван Васильевич занимался коммерческими делами по закупу каталок, он связан с трестом. Старший сын Василия Алексей, живший на станции, считался еще большим богачом. Он имел свою лавку на станции и еще открыл чайную-пивную для обслуживания загулявших мужиков. Вообще он ворочал большим капиталом, вел себя барин-барином, жена его чувствовала себя совсем боярыней – хвалилась бабам золотом.

У Лаптевых же от застоя понизился спрос на товар. Если у Васюниных бочку рыбы-сазана разобрали за два дня, то у Лаптевых полбочки сазана испортилось. А когда хозяину лавки Василию Ивановичу Лаптеву кто-то предложил рыбу эту чем-то сдобрить, подсолить и, похваливая, продолжать продавать, он на это ответил:

– Я крест целовал, присягу перед Богом принимал, чтоб людей не обманывать!

Рыбу пришлось выбросить, а торговлю свернуть. Да к тому же этому была еще причина. К этому времени в селе было организовано потребительское общество пайщиков (пай 5 рублей), лавка (потребилка) и была открыта как раз в Лавке Лаптевых.

Во главе вновь организованного общества потребителей встал Сергей Никифорович Лабин, членами правления Васюнин Сергей, Лобанов Василий Федорович, а бухгалтером Лобанов Яков Иванович. Продавцом поставили Митрия Грунина, парня разгульного и сомнительного поведения.

Хотя власти и решили организовать потребительские общества с целью противостоять частным торговцам, но на первых порах частник разворотливостью и умением торговать имел превосходство над кооперацией. Частники, не имея никаких бюрократических правлений и канцелярий, все дело вели сами. Сами закупали товары, сами назначали цену (на каждый товар накидывали по копейке или две), сами снижали цены, где это необходимо было. Сами были бухгалтерами и не ограничивали часы торговли, сами торговали. Были случаи, в ночное время их будили покупатели и просили отпустить им или осьмушку табаку, или коробок спичек. И они безропотно удовлетворяли просьбу покупателя. В потребилке же в неурочные часы ничего не купишь: лавка закрыта, да к тому же продавцы (или как их стали называть «приказчиками»), не имея опыта в торговле, были грубы и неповоротливы.

В лавку, которая под конторой, продавцом взяли Жучкова Михаила, а в слободскую предложил свои услуги Николай Ершов. Повстречал он как-то однажды на улице идущего ему навстречу председателя потребительского общества Лабина Сергея Никифоровича, остановил его, спросил:

– Сергей Никифорович, постой-ка на минутку, я хочу у тебя спросить насчёт одного дела.

– Ну, спрашивай, я вас слушаю, – вежливо отозвался Сергей.

– Как бы мне к вам в потребилку приказчиком затесаться, я слышал, вы в слободскую лавку продавца подыскиваете, так вот я к вашим услугам, – деликатно изрёк Николай.

– Да ты не наторгуешь, а только проторгуешь! – слегка подковырнув его и высказав сомнение, заметил Сергей.

В это время к ним подошёл Николай Смирнов, вслушиваясь в разговор Лабина с Ершовым, он пока в их разговор не связывался, а только слушал.

– Да что, у меня смекалки в голове нет что ли? Или память слаба? Да я если кому и в долг дам, так без всякой записной книжки всё упомяну! Любого продавца в торговом деле за поясок заткну, – расхваливая себя, петушился Ершов. – А что касается памяти, так я могу ей похвалиться! Я даже помню, как я в материной утробе находился.

– Ты что, выглядывал что ли оттуда? – с явной подковыркой спросил его Смирнов.

– Выглядывать-то, конечно, не выглядывал, а хорошо помню, что мне там тепленько было.

– Только разве! – с усмешкой заметил Смирнов.

– А что касается насчёт того, что проторгуюсь, так я своими деньгами соответствую, – продолжая начатый деловой разговор, хвалился Ершов.

– А откуда у тебя деньгам-то быть? – с язвительным укором обличал его Смирнов.

– Ты не знаешь, и в моем кармане деньги не считал, вот они позванивают! И видно не слыхивал звона моих монет! – Ершов в этот момент нарочито потрянул карманом штанов, там и вправду что-то перезвякнуло.

– Вряд ли у тебя в кармане, когда кроме кресала, о кремень что позвякивало, – продолжал злословно подковыривать Ершова Смирнов. Лабин, слушая перебранку Смирнова с Ершовым, весело хохотал, удивлялся напористому самовосхвалению Ершова, он заметил, наконец:

– Николай Сергеич, собственно говоря, тут длительный разговор вести не о чем. Мы продавца в лавку уже подыскали, так что ты опоздал!

– А ково вы подыскиали, если не секрет? – поинтересовался Ершов.

– Миньку Молодцова! – бессекретно ответил Лабин.

– Уж ково и нашли, – разочарованно протянул Ершов.

– Вот так друзья-товарищи, надейся на вас! Небось поддержите коммерцию, а ведь вместе на охоту-то ходили! Эх

вы! Кооператоры! – упрекнул он Сергея и отошёл от них прочь.

Токари. Производство каталок.

Село всколыхнулось, народ ожил: большинство мотовиловцев взялись за токарное дело: за каждую каталку трестовские скупщики, или Дунаев, давали 18 копеек, сами же они сбывали их по 20 копеек – кустарю хорошо и скупщикам неплохо.

«Ленин умер, а кто же за него остался?» – недоуменно спрашивали друг у друга люди. «А в Москве их осталось целый комитет: Троцкий, Калинин, Рыков, Бухарин, Зиновьев, так что править Россией есть кому», – делились своими суждениями с малограмотными мужиками не очень-то осведомленные грамотеи.

– В общем: НЭП, свобода! Мужикам лафа! – торжествовали мужики.

– А что бают: Рыков дал указание вино снова в торговлю пустить, а? Вот бы гоже было! Самогонка-то уж надоела! – мечтательно, с прищёлкиванием языком, высказался по этому поводу Николай Ершов.

Почти каждым мужиком овладело желание разбогатеть. А мысли каждого упирались в неприступную стену. В селе появились разного рода предприимчивые люди: барышники-мясники, торгаши и мастеровые люди. Мельники веселее замололи на своих мельницах, кузнецы задорнее закова-

ли в своих кузницах, портные азартнее стали шить одежду, сапожники, не зная устали, корпели над пошивом новой и починкой старой обуви. Работники торговли и кооперации, соперничая с частным торговцем, всячески старались перецеголять его, но пока из этого ничего не получалось.

Кустари, поняв выгоду токарного дела, старательно и заодно взялись за это доходное дело. Некоторые увлеклись этим до того, что работали днем и ночью при тесноте, духоте и при недостаточном освещении пятилинейной керосиновой лампы. Некоторые, имея намерение без особого труда заиметь деньги, занялись игрой на деньги: целыми ночами просиживали в избе, затуманенной густым табачным дымом, резались в очко или «кондру». А некоторые ухачи мечтали о том, где бы найти богатый клад с золотом. Большинство же людей не надеялось на мимолётное счастье, а с прилежностью занялись своим честным трудом, применяя при этом свою силу, умение и расчётливость в ведении своего хозяйства. Такими стали три мужика, трое благоразумных домохозяина: Савельев Василий, Крестьянинов Федор и Федотов Иван.

Василий Савельев, приумножая, расширяя и благоустраивая свое хозяйство, перестроил и отремонтировал свой дом. Сменил верхний венец, заменил на новую тесовую крышу, устроил под окном палисадник, насадил в нем хмелю, во-

ткнул тут куст бузины, и вид его дома приобрёл весьма приятный, весело смотрел на улицу окнами обоих этажей. Из отцовской избёнки сзади нижнего этажа пристроил прихожую, в ней поставил токарный станок — она стала токарней.

Под окном поодаль от дома, украшая дом зеленью, стоят две берёзы да рябина между ними, а около мазанки раскустившаяся ветла. Еще в свое время, в 1890 году, отец Василия Ефим в честь рождения сына, его Василия как первенца, посадил эти две берёзы и ветлу, а когда родился второй сын Алексей, он посадил эту рябину, связав упругие гибкие ветви её узлом. Берёза по правую сторону дома выросла с дуплом, в котором по зимам прячутся воробьи на ночлег, а у берёзы, растущей по левую сторону, вырос большой горизонтальный, по направлению к дороге, отросток. Отросток этот от основного ствола был голым, а сажени через две от ствола раскустившись, пошёл вверх. Рябина же выросла в причудливом виде: ветви, завязанные дедом узлом, не развязались, так и выросли в таком замысловатом виде.

Дед Ефим в свою бытность вообще был своенравным, изобретательным и твердохарактерным человеком. Он, в частности, при разделе семьи не пошёл жить ни с одним из сыновей. Он потребовал построить во дворе ему избёнку, в которой он и жил один. Бабушка Евлинья жила в семье старшего сына Василия, нянча его детей.

Василий же в честь своего первенца Михаила около ма-
занки тоже посадил берёзку, а Ванька своим топориком, по-
даренным ему дедом Михаилом, однажды летом, желая на-
питься берёзовки, потяпал эту берёзку. Ему показалось, что
сок не течет из-за того, что надсечка мала. Он порубал еще,
но берёзовка так и не потекла. Он не знал, что соку от берёзы
можно добиться только ранней весной. Берёзка после этого
захирела и посохла.

У Крестьяниновых под окном растут две берёзы и чере-
муха между ними. А у окна Федотовых растёт одинокая, но
коренастая берёза.

Во всех этих домах молодежь – парни – заняты токарным
делом, а сами хозяева доставляют им липняк из Пустыни.
Липу-голье стараются возить зимой с расчётом, чтоб загото-
вить ее на весь год. Василий Савельев каждый раз, как уез-
жать в Пустынь, давал наказ своим ребятам Миньке и Сань-
ке, чтоб ежедневно они вязали и выносили во двор по шесть
пар готовых каталок, а по приезде вечером, свалив под ок-
ном у берёзы в общую кучу липняк, отец проверял сделан-
ное.

Ванька тоже помогал братьям. В его обязанности входило:
наточить мелких деталей к каталкам, стоечек, напилить во
дворе к следующему дню заготовок, расколоть их, ударяя по

наставленному братом топору большой колотухой. В обязанности Ваньки так же входило по зимам, после школы, привезти на салазках в большой кадушке воды с озера, привезти из сарая две плетюхи сена для скотины, вывезти из хлевов намёрзшие коровьи «лепешки» и так кое-что по-мелочи. Зато в сумерки для всех ребят – лафа! Наступает темнота, а огонь зажигать еще рано. В это время самое подходящее для игр и развлечений детворы.

Из всех домов на улицу выходят парни, идут к прогонному перекрёстку и горланят: «Тарга, Тарга, Ура-а-а!» Это знак вызова кужадонских таких же ребят на обоюдную любовную драку. Такая традиция в Мотовилове заведена с незапамятных времен. Существует золотое правило в этой забавной драке: драться только кулаками, по лицу не ударять, лежащего не бить! И вдобавок – не мстить! Это весёлое для ребят занятие давало не только развлечение, оно закаливало в каждом парне смелость и храбрость в наступлении, силу, ловкость и выносливость в драке, умение без паники, уверливо отступать. У каждой артели имеются своего рода воеводы, взаимно наводящие на артели страх. Это два отважных Федыки. У артели Главной улицы Федыка Лабин, у кужадонской артели – Федыка Тарасов.

Натешившись в драке и надышавшись свежего воздуха, ребята расходятся по домам и снова вставляли за токарный станок. У Савельевых отец, сваливая липняк, крикнул старшему сыну:

– Минька! Распряги-ка лошадь да пусти её в хлев. Я что-то нынче озяб. А ты, Саньк, помоги мне досваливать воз.

Отец брался за комельки плах, а Санька за вершинки. Санька кряхтел от натуги и слабосильно, без сноровки, медленно передвигался с грузом по примятому снегу.

– Что ты так вяло поворачиваешься! – заворчал на него отец. – Ходишь, как вареный, и на ровном месте спотыкаешься. Связи в тебе нет! А ты варовее шевелись! У тебя в голове-то, видно, не работа, а книжки! – упрекая в неповоротливости Саньки, брюзжал на него отец. А когда Санька с последней тяжелой плахой, не выдержав натуги, споткнувшись, упал в снег, отец, подскочив к нему и поддав ему лаптем под зад, угостил его пинком. Санька заплакал, а отец грозовой тучей направился в избу. Войдя в избное тепло, он, раздевшись, бросил на лавку пиджак, а сам, морщась, начал оттирать от усов намёрзшие сосульки:

– И как это люди с небритыми бородами ходят, тут вот с одними усами и то канители не уберешься! – ни к кому не обращаясь, проговорил он. И в сторону жены, готовившей ужин, сказал:

– Ты мне насуши осьминный мешок сухарей. Я дорогой и буду их погрызывать. До Пустыни-то дорога-то дальняя и холод-то до самых кишок добирается. В чапане-то холодно-вато, надо тулуп портному заказать, – полушутливо, полугрозно высказался он.

К ужину собралась вся семья. В избу, шмыгая носом, во-

шёл Санька. Он виду не подал, что недавно плакал. Из верхней избы к столу спустилась бабушка Евлинья. Она, зябко передернув плечами, накинула на себя овчинный полушубок. Ужин прошёл в безмолвии. После ужина Минька с Санькой «посидели» за работой в токарне до десяти часов. Минька ушел на гулянье к девкам в кельи, а Санька, перебравшись в верхнюю комнату и зажгя столовую лампу, уселся за книгу, которая его сильно заинтересовала, а читать-то приходится только ущипками-урывками. Отец страстно не любил, когда Санька торчит за книгой и по-напрасному жжёт керосин.

Религия. Ступени жизни.

Все три семейства: Савельевы, Федотовы и Крестьяниновы были религиозными. Сам Василий Ефимович Савельев редко, когда пропускал заутреню или обедню. Он в церкви даже стоял на левом клиросе и пел невзрачным своим тенорком. Любовь Михайловна тоже набожная женщина, их дети так же приучены с детства посещать церковь во время богослужения. Санька увлёкся так, что по двенадцатым праздникам без разбудки сам вставал в два часа ночи, зажигал лампадку перед иконами, а сам отправлялся в церковь к заутрене. В большие праздники он с Гришкой Додоновым надевали стихарь, становясь послушниками, прислуживали свяществу. Санька иногда читал шестопсалмие.

Иван Федотов с женой Дарьей так же частенько посещали церковь, их дети парни пореже. Разве только один Павел не отставал от отца с матерью.

Семья Крестьяниновых считается особенно религиозной. Сам дедушка Василий, родовой патриарх, ведет свое родословье чуть ли не с Адама. В семье он с сыном Федором держит крепостной порядок, но из-за недолюбливания попов, из-за того, что они, будучи священнослужителями, содержат у себя на дому недозволенные их сану (по их мнению) разные

рояли, физгармонии и прочее, Дедушка с Федором предпочитают у себя на дому чтение библии и богослужение в виде импровизированных заутрени или обедни. Дедушка справляет за попа, Федор за дьякона. В их басовитый богослужебный гуд иногда вплетается старушечий голосок бабушки Дуни.

Тётенька Александра – старая дева, сестра дедушки Василия, участия в пении не принимает. Она занята хлопотами по приготовлению пищи для семьи. Сама хозяйка Анна сидит на лавке, тоже не поет, а только слушает. Детей Алёшу, Мишку и Паньку стараются проводить в церковь. Алёша вообще проходит церковь мимо, Мишка с Панькой если в зимнее время – отсиживаются в сторожке-богадельне, а летом слоняются в церковной загороди, сидя на лавках под тенью берёз и сирени, курят или из побуждений озорства смотрят, кого бы толкнуть или над кем-нибудь невежественно созоровать – кому-нибудь плюнуть на спину или к спине повесить соплю (по их мнению – часы), потом хихикать и хохотать от удовольствия, поощряя свое отвратительное похабное и варварское поведение.

Савельевой бабушке Евлинии в церковь ходить некогда, она сидит и нянчится с малышами-ребятишками, но она любит дома петь богослужебные стихиры. Она обычно поет одна: «Совет превечный», «Врата адовы», «Неимамы», «Житейское море», «Верую», «Достойно», «Отче Наш». Но го-

веть в Великий Пост она отпросится у Любви Михайловны и всю Христовую неделю ходит в церковь, не пропуская ни заутреню, ни обедню, ни вечерню.

Дедушка Крестьянинов хотя и малограмотный, но библию читает регулярно и познал ее чуть ли не наизусть. У них в избе на стене две красочные офсетной печати картины: одна изображает ступени лестницы человеческой жизни, а на другой изображён Страшный Суд. К картине Страшного суда дед обычно подводил разбаловавшихся ребят и, показывая на эту картину, назидательно предупреждал: кто озорует и отца с матерью не слушается, того бог в огонь посадит, а на том свете его вот что ожидает. А на картине изображено, как грешники, подпираемые цепью, невольно приближаются к пасти дракона, из которой пышет неугасимый огонь, готовый пожрать грешных людей. Вторая – нравственно-поучительная, на житейскую тему: «Ступени жизни». О картине ступеней человеческой лестницы, дедушка обычно вел пояснительную, нравоучительную беседу уже с более взрослыми людьми. На картине этой изображены житейские ступени человеческой жизни в хронологическом порядке, от его рождения и до смерти. Нижняя часть картины очертана полукругом, который изображает собой вид церковного свода, храма. В левой стороне изображено крещение народившегося, появившегося в жизнь человека, а в правой стороне свода изображён момент отпевания того же человека, прожив-

шего свой век до глубокой старости и теперь уже лежащего в гробу. Поверх этого свода изображены ступени жизни этого человека. Сначала ступени идут по восходящей вверх и, достигнув наивысшей, кульминационной точки, пошли по нисходящей линии вниз. Между ступенями – десятилетний период времени, прожитого человеком. На первой ступени человек изображён мальчиком. Ему десять лет от рождения. Беззаботно играя мячиком, на лице у него беззаботная, радостная улыбка, какая бывает только у детей. Вторая ступень. Тот же человек изображён юношей, ему двадцать лет. Он значительно вырос и стал вполне взрослым, на его лице пробивается мелкий пушок, где должны быть усы и борода. В руках у юноши книги, он студент. Детская беспечность с беззаботными забавами и играми остались позади и безвозвратно. На третьей ступени человек изображён мужичком в тридцать лет. Он уже не один: рядом с ним стоит подруга жизни. Взаимно любящая пара поднялась еще на ОДНУ СТУПЕНЬ – им по сорок лет. Около них сын и дочь. Пятая наивысшая ступень жизни человека изображена в виде стола, за которым сидит целая семья. Во главе семейства пятидесятилетний, достигший полного расцвета, бравый мужчина. Шестая ступень изображена уже на нисходящей. На ней изображён шестидесятилетний мужчина с первыми морщинками, появившимися на его лице. Усы и буйно отросшая борода указывают на пожилой возраст человека. У него на руках и на руках его жены по малышу. Это их внучата – по-

томки. Седьмая ступень. Человеку семьдесят лет. Он заметно постарел: седая голова, седая борода с усами. На его лице глубокие морщины. Неразлучно рядом с ним стоит его спутница старушка. Они спустились на две ступеньки. На восьмой ступени седой сгорбленный старик, сидя, опершись на клюшку. Ему восемьдесят. Он стал дряхлеть и уже почти ничего не слышит. Он одинок – около него уже нет его спутницы-старушки. Она умерла. Девятая ступень. Беспомощный, девяностолетний, едва живой старик, достигший глубокой старости человек. Его теперь ничто не интересует, да и им теперь мало кто интересуется. Часто лежит в постели, едва согревая свое дряблое и зябкое костлявое тело, он не может без посторонней помощи даже поест. Его кормят внуки и подают ему попить. Он плохо видит и совсем оглох. Мысли его смутно припоминают отдельные моменты в его жизни. В голову частенько забредает мысль о скорой смерти «чтобы не мешать семье». Троекратный удар колокола извещает о смерти человека. Человек умер, его тело, лишившись жизни, лежит в гробу в той же церкви, где его крестили. Теперь его отпевают и скоро опустят в могилу, где он превратится в прах небытия. Старики умирают – место пожилым освобождают. Человек родился, чтобы умереть! Таков неумолимый закон жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.